

Последняя командировка или Михалыч (быль)

В Якутии, на север от села Колымское, находится тундровое озеро с загадочным названием «Сегодня».

Озеро богато рыбой и олениводы с давних времён пользуются его дарами, заготавливая летом впрок золотистую, пахнущую дымком юколу из нагулявшего по весне жир степенного чира.

Зимой же здесь особенная рыбалка. Из-под голубоватого льда вытаскиваются сети с икряной пелядью и серебристыми, переливающимся на солнце чирами.

Здесь же на льду рыба особым способом замораживается. Чтобы в тканях не образовалось мельчайших льдинок, ухудшающих её вкусовые свойства, каждую рыбину руками массируют, выгоняя из-под чешуи озёрную воду и после бросают на лёд для заморозки. И вот через несколько часов, в зависимости от температуры, на импровизированный полевой стол подаётся непревзойдённый северный деликатес — строганина, которая просто тает во рту... Каждый год несколько тонн отменной рыбы даёт олениводам это озеро. Тундровые жители почитают дух озера, опуская в него различные угощения и проводя древние шаманские обряды.

На вопрос почему у озера такое название, знающие люди с ухмылкой расскажут байку о том, что картографы как-то спросили местного жителя сколько времени потребуется, чтобы дойти с вьючными лошадьми до помеченного на карте озера. Немного помолчав, тундровик кратко ответил: *«Сегодня дойдёте»*.

Дело было летом и лишь поздно вечером измученные лошади и люди добрались до этого желанного озера, пройдя за день всего три десятка километров по топкой по брюхо лошади, закочкаренной тундре, где нет ни одного деревца. В память о своих мучениях картографы назвали озеро «Сегодня».

И ещё озеро знаменито тем, что здесь жил и покоится знаменитый юкагирский шаман Мельгейвач, прославившийся умением излечивать больных людей и предсказаниями будущего.

Могилу его с длинным остроконечным деревянным шестом, отполированным до блеска издали видна в северной оконечности озера.

... Был октябрь 1980 года. Тишина и покой большого озера были нарушены прибывшим из Колымского гусеничным вездеходом и примчавшимся на оленьих упряжках людьми, которые проворно стали ставить на берегу, на возвышенности несколько яранг, выделявшихся на

белом снегу в виде темных остроконечных треугольников, а в низине натянули из плотного зеленовато-жёлтого брезента кораль — загон для оленей.

Вскоре из яранг стали подниматься густые клубы дыма — это женщины спешно готовили еду для оленеводов и гостей.

... Так в совхозе «Нижнеколымский» началась осенняя корализация — пересчёт домашних оленей, в результате которой станет известно их наличие в оленеводческих стадах, а также количество приплода и потери.

... Несколько дней напряжённой работы на жгучем морозе, когда в трепещущий на ветру брезентовый кораль нужно ухитриться загнать трёхтысячное поголовье оленей, которое никак не хочет подчиняться воле людей. Затем провести им вакцинацию от болезней, отделить взрослое поголовье от молодняка, не забывая просчитать оленей по половозрастным группам.

И вот эта сложнейшая, выматывающая кампания по пересчёту нескольких оленеводческих стад наконец была завершена, и в одной из яранг, сшитой из 70 выделанных оленьих шкур собрались оленеводы Колымского отделения совхоза, чтобы подвести итоги. Все чинно расселись на разостланных на земле оленьих шкурах, поджав под себя ноги.

Перед членами счётной комиссии стоял небольшой походный деревянный столик на коротеньких ножках, на котором лежали тетради с итогами корализации.

Посредине яранги топилась железная раскалённая докрасна печь. На ней стояли несколько чайников и большая алюминиевая кастрюля с варившимся в ней оленьим мясом.

Пожилая чумработница сидела слева от входной двери и, невозмутимо разделывала остро заточенным якутским ножом деликатесную грудинку только, что забитого оленя.

Один за другим вставали опытные бригадиры, говорили о нехватке и замене оленеводов, которые не смогли адаптироваться в коллективах, об изменении маршрутов по причине пожаров, об отпусках, о затягивании времени с ремонтом нарт из-за отсутствия полозьев из берёзы и других многочисленных наболевших проблемах.

... Впереди была долгая полярная ночь, и намечался переход оленей в лесную, богатую ягелем зону на правобережье Колымы, где бесчинствовали огромные полярные волки, и все вопросы необходимо было решать оперативно и в сжатые сроки.

Комиссия подвела итоги подсчёта оленей по бригадам, отметив положительную динамику роста поголовья в сравнении с прошлым годом.

Напряжение возросло, когда председатель комиссии объявил о больших потерях, более 300 оленей в одном из стад и потребовал объяснения у бригадира.

Неторопливо встал Алексей Д. Это был смуглый сухощавый и коренастый 40-летний чукча, одетый в рабочую одежду оленевода — в меховую рубашку из рыжего пыжика, местами лоснящуюся и вытертую до кожи, и в светлые брезентовые штаны, вылинявшие от солнца.

Внешне он был спокоен, но внутреннее его состояние выдавали торопливая отрывистая речь и обильный пот, ручьём струящийся по его смуглому лицу, которого он от волнения совсем не замечал.

Выяснилось, что осенью он более месяца лечился в районной больнице от ревматизма (РЕВМАТИЗМ — ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ ОЛЕНЕВОДОВ ИЗ-ЗА ПОСТОЯННОГО НОШЕНИЯ В БОЛОТИСТОЙ ТУНДРЕ РЕЗИНОВЫХ САПОГ), и в это время его подменял менее опытный оленевод из этой же бригады. Кроме того, в бригаде не хватало ещё одного пастуха. Все это негативно сказалось во время наступления так называемого «грибного» сезона, когда в августе олени начинают разбредаться в поисках грибов — любимого своего лакомства, и их очень трудно в это время собрать в стадо.

Здесь у оленеводов одна выручка — лайки-оленегонки, которые по команде без усталости с громким лаем собирают отколовшихся оленей в общее стадо.

Алексей высказал предположение, что олени потерялись где-то в августе в районе Восточно-Сибирского моря, в местности реки Чукочьа, где пролегал их маршрут.

Затем слово взял бригадир-наставник И.Я. Горулин — негласный король чукчей и юкагиров Халарчинской тундры.

Это был колоритный юкагир 60 лет, высокого роста с каменным спокойным выражением лица и умными пронизательными глазами. Говорил он неторопливо, с чувством собственного достоинства и очень деликатно, что свойственно коренным жителям тундры.

Он согласился с мнением бригадира и предложил организовать поиски пропавших оленей на снегоходах «Буран». Было принято решение — направить на выполнение этого непростого задания двух молодых, но опытных бригадиров А. Кемлиль, Д. Каургина и меня, управляющего отделением.

Все мы были примерно одного возраста.

Алексей Кемлиль был племянником Горулина, такой же немногословный, но с хорошим чувством юмора. Ему недавно исполнилось 33 года, и он был холост. А у Димы Каургина была уже семья, подрастали

двое сыновей, будущих оленеводов, которые вместе с матерью делили все тяготы кочевой жизни.

Основным их занятием на улице было без устали набрасывать маленький чаут на своих четвероногих друзей — щенков оленегонных лаек.

Вот что значит потомственные оленеводческие гены!

Диму в этом году оленеводы избрали своим депутатом в Районный Совет, чем он очень гордился и своим нелёгким трудом старался оправдать оказанное доверие.

На следующий день мы прибыли на вездеходе в Колымское, где размещалась контора отделения совхоза.

Село это расположено на живописном берегу Колымы, в 120 километрах от райцентра посёлка Черского.

Население немногочисленное, в основном чукчи, исконным занятием которых издревле является оленеводство, охота и рыболовство.

Когда-то в 17 веке они прикочевали сюда со своими оленями с Чукотки и остались здесь навсегда. Уж очень по душе им пришлась здешняя природа и обильные ягелем оленье пастбища. В селе вместе с чукчами дружно живут юкагиры, якуты и русские.

Суровая природа Арктики не допускает деления людей по национальностям.

По чукотским законам графа в паспорте ещё ничего не значит. Они делят род человеческий на просто людей и настоящих людей. Настоящие — это те, кто любит и бережёт природу и в любой момент бескорыстно придут к тебе на помощь, порой даже ценой своей жизни. Поделятся с тобой последней едой, одеждой и предоставят ночлег.

Мудрые люди создавали эти неписанные тундровые законы!

... Сборы были недолгими, и в течение двух дней всё было приготовлено к кочёвке. На нартах снегоходов «Буран» крепко были увязаны ящики с продуктами, палаткой, одеждой и канистрами с запасом бензина. У каждого из нас было по боевому карабину на случай встречи с белым медведем или полярными волками, которые здесь, в тундре, раза в два крупнее своих лесных собратьев.

Накануне по радиации связались с заведующим охотничьей фактории «Чукочья» И.П. Кочкиным. Спросили его о том, не появлялись ли на побережье моря домашние олени, отличающиеся от диких своим поведением и более тёмным мехом. В ответ услышали, что недавно охотники видели вместе с дикими и домашних оленей.

... На следующее утро на трёх снегоходах мы выехали из села. Нам предстояло проделать по бескрайней тундре путь около 400 километров до берега Северного Ледовитого океана.

Дул резкий, обжигающий лицо северный ветер. Столбик термометра показывал минус 30 градусов.

От встречного ветра и холода защищали лишь высокий прозрачный пластмассовый козырёк снегохода и тёплая, проверенная веками меховая чукотская одежда, состоящая из нижней рубашки, сшитой из пыжика (неродившегося оленёнка-выкидыша) мехом вовнутрь и кукашки.

Кукашка — наружная меховая рубашка из выделанной шкуры трёхмесячного августовского оленя. одевается на тело сверху.

На ногах были меховые штаны и тёплые олени унты с «чижами» (меховые чулки, сшитые из выделанной шкуры взрослого оленя).

На голове — чукотская шапка с раструбом, чтобы не замерзло лицо, сшитая из меховой части лба головы оленя — наиболее прочная и крепкая его часть, отороченная мехом росомахи. На руках рукавицы из камусов — оленьих лапок. Поверх кукашки, для того чтобы снег не набивался в мех и не портил его, была одета камлейка из ситца, разукрашенная разноцветными лентами.

Картина со стороны живописная, но вполне обычная для жителей тундры. Чтобы выжить в тундре, одежда должна быть цельной, защищающей тело от холода, без мельчайших дыр в швах. Поэтому каждый раз оленевод перед дежурством осматривает свою одежду и, где находят разрыв в шве, тут же зашивает нитками из оленьих сухожилий. В случае присутствия в меховой одежде хоть одной небольшой дырки, свирепый арктический ветер и холод проникнет внутрь, и человек начнёт замерзать.

В одежде оленевода нет мелочей — все продумано и учтено.

... Вначале наш маршрут пролегал по озёрам лесной зоны, где езда по накатанной рыбаками дороге — одно удовольствие!

Под убаюкивающий рокот мотора, ты несёшься на высокой скорости по ровной глади озёр, изредка вспугивая суetyщихся в тальниках в поисках еды белоснежных куропаток и невольно ощущаешь себя властелином вселенной...

На многих озёрах, то здесь, то там виднелись ровные линии деревянных вешек, указывающих на стоящие подо льдом сети. Поселковые рыбаки ловят на озёрах чиров и пелядь. Сети проверяют ежедневно, чтобы не допустить порчи рыбы.

Основную прорубь, где вынимают сети, укрывают от замерзания оленьей шкурой, которую сверху утепляют ещё толстым слоем снега.

Сами оленеводы имеют в тундре собственные озера, где никто кроме них не имеет право рыбачить. Это, как правило, богатые рыбой водоёмы, которые они берегут и вылавливают в них только определённое количество половозрастной рыбы, без подрыва популяции, думая о последующих поколениях оленеводов, которые придут им на смену.

Но вот небольшая полоса лесной зоны, состоящей из густых тальниковых зарослей, быстро закончилась, и мы выехали на широкий простор необъятной и безмолвной тундры.

Вокруг до самого горизонта раскинулось белое покрывало снега с небольшими пятнами синевы по краям многочисленных озёр. Тундра, т-у-у-ндр-а-а!.. Сколько о тебе сложено песен и стихов!

Сам я родился в тайге, которую очень люблю.

В тундре я прожил 22 года, и её я тоже полюбил — здесь прошли лучшие годы моей жизни и осталась частица моего сердца.

Тундра всегда воспринимается мной как живое существо и ассоциируется с образом пленительной женщины.

Вначале, при первой встрече она таинственная, красивая, надменная и порой суровая, но постепенно, по мере узнавания и постоянного общения с ней, ты влюбляешься в неё, и она для тебя становится самой родной и близкой.

Каждый раз при встрече с тобой она в новом ослепительном наряде. Летом одевается в свои разноцветные яркие одежды из полярных цветов, в складках которых живут многочисленные птички и зверушки. Великолепие голубых озёр завершает этот волшебный наряд...

Зимой тундра облачается в своё ослепительно белое ледяное подвечное платье...

Но самое незабываемое и сильное впечатление она производит во время полярных сияний, когда по преданию оленеводов, небесные озорные юкагирские красавицы в разноцветных светящихся одеждах бегают друг за другом в гигантском хороводе...

Белое безмолвие тундры в мгновение оживает и тоже пускается в сумасшедший ритм вселенского танца. Все вокруг сверкает, искрится и переливается яркой палитрой красок.

Остолбнев, ты на время забываешь, где находишься. Ощущение такое, что ты попал в детскую сказку, в царство Снежной королевы и невольно ждёшь с ней встречи.

Потрясённый увиденным, реально понимаешь, что человек — это ничтожная песчинка в безбрежном океане необъятной Вселенной.

И что есть ещё на свете чудеса!..

Моя тундра обворожительна в любое время года!

Просто нужно любить и понимать её, и она ответит тебе взаимным чувством.

Слово т-у-у-ндр-а-а — это тихая любимая мелодия в моей душе...

Скорость нашего движения из-за многочисленных твёрдых, как камень, застругов из спрессованного снега, образовавшихся из-за сильных ветров, резко упала. От постоянной тряски возникает ощущение, что ты едешь по громадной стиральной доске.

К вечеру мы с трудом сходим с «Буранов» на землю, разминая затёкшие от долгой езды мышцы ног.

Быстро ставим палатку и при помощи паяльной лампы кипятим снеговую воду в чайнике. Берём мёрзлую буханку хлеба и водружаем её на открытый чайник, чтобы быстрее оттаяла. Готовим нехитрый ужин из мёрзлых кусков приготовленного нашими домашними варёного оленьего мяса и строганины из озёрного чира.

Но молодость есть молодость: несколько часов сна в тёплом оленьем мешке под названием «кукуль», и ты опять готов к дальнейшим приключениям.

Жажда жизни — название этого неуёмного бурного времени! ... На второй день пути, рано утром, мы были разбужены резкими порывами ветра, от которого, как раненая птица билась и стонала брезентовая палатка — наша спасительница. Быстро вынырнув из спальников и наспех одевшись, выбрались наружу. Посмотрев на серое небо, по которому неслись низкие тяжёлые косматые тучи, и по летящему в воздухе пушистому снегу поняли, что приближается настоящая пурга.

До охотничьей фактории оставалось более ста километров...

Сборы и отъезд были мгновенными — все понимали, что если мы до разгула стихии не прибудем в тёплую избушку, то с уверенностью можно сказать, что возможно, в течение нескольких дней придётся пробыть в холодной палатке, доверху занесённой снегом.

... С каждым часом ветер усиливался, в лицо уже со свистом летели и больно били снежные заряды. Видимость становилась всё хуже и хуже. Направление движения выдерживали лишь по ломаным линиям снежных застругов рядом с гусеницами снегохода. Чтобы не потеряться в этой адской снеговой карусели, снегоходы шли в метре друг от друга, как привязанные. Глаза от чрезмерного напряжения слезились и постепенно от встречного ветра и больно бьющего снега, белки глаз у всех стали кроваво-красными и болели.

... Пурга — это своенравное и неразумное дитя Арктики, которое, разыгравшись, долго не может остановиться. У этого непослушного ребёнка скверный характер и свои причуды.

Каждый полярный житель знает, что если пурга не заканчивает своё безумие через три дня, то она может продолжиться с циклом шесть, девять и более дней. Имели место случаи, когда люди в аэропортах из-за непрекращающейся пурги не могли улететь до 15 дней.

У одних, в основном коренных жителей, пурга вызывает чувство уважения и трепета перед силами природы.

У других, попавших впервые в её холодные объятия, она вселяет непреодолимый страх и ужас.

В сильную пургу, когда порывы ветра достигают 35 метров в секунду, из-за потока крутящегося снега, человек перестаёт видеть даже свою вытянутую руку. Появляется тягостное чувство, что ты попал в иной мир, в другое измерение. Возникает ужасное ощущение, что ты находишься внутри большого плотного мешка из ослепительно белой ваты. Что ты один и никто тебе не может помочь. Панический страх медленно проникает в твоё сознание и разом обмякшее тело.

Из-за разряженного воздуха и ледяного ветра становится трудно дышать и, чтобы не задохнуться, приходится дышать мелкими и частыми глотками. Поневоле идти приходится по направлению ветра или боком к нему. Сильный порывистый ветер периодически и настойчиво пытается сбить тебя с ног и покатить бесформенным комком по снегу.

Идёт бескомпромиссная борьба под названием «кто кого». Пурга — это хрупкая грань между жизнью и смертью!

Эти мои слова подтвердят все, кто хоть раз побывал в ней и испытал все её «прелести». Только волевой и сильный духом человек может выжить в пургу, преодолев самого себя и укротив собственный страх

К сожалению, в истории Арктики немало случаев гибели людей во время пурги. Поэтому лучше переждать её в тёплой квартире и не испытывать судьбу.

... Слава Богу! Правильно выдержав направление в круговерти начавшейся пурги, во второй половине дня мы спустились на реку Чукочьа, в устье которой находилась желанная избушка.

Недалеко от фактории мы пересекли гусеничный след чужого снежного хода и по нему благополучно доехали до долгожданного места отдыха.

Пурга уже показывала свой свирепый нрав — порывы ветра были более 20 метров в секунду. С трудом открыв тяжёлую дверь, мы очутились совсем в другом мире — тепла и уюта!

Нас радушно встретил хозяин фактории Иннокентий Кочкин.

Это был русский, сухощавый средних лет мужчина, быстрый в движениях, со смешливым гортанным голосом. Речь его изобиловала прибаутками и часто прерывалась мелким, как бисер, задорным смехом.

Охотничья фактория представляла собой два деревянных дома, амбар, гараж на два снегохода и баню.

Возле дома за круглые колья были привязаны несколько крупных ездовых собак, которые, казалось, безучастно, свернувшись в клубок, лежали, запорошенные снегом.

Свою главную функцию — обеспечение охотников снаряжением и продуктами, а также приёмка у них пушнины, в основном шкурок белого песца, совхозная фактория успешно выполняла.

В тепле уютного деревянного домика, мы все благодушно расслабились.

... Жарко и весело потрескивали дрова в печи, тархтел в сенях стационарный электродвижок и тускло светила пожелтевшая лампочка. На экране телевизора мелькали черно-белые изображения такой далёкой-далёкой цивилизации...

Все с упоением пили ароматный цейлонский чай. Чайник сменялся за чайником. Шла весёлая с подколами друг друга увлекательная беседа о прошедшем пути.

Вспоминали о смешных историях в посёлке, на охоте или рыбалке.

Хозяин, изголодавшись по общению, беспрерывно травил байки и анекдоты. Стены бревенчатой избушки сотрясали взрывы гомерического хохота.

Лежавшая у порога стройная чистокровная белого цвета лайка, невозмутимо дремала, вытянув вперёд лапы и голову, изредка поднимая то одно, то сразу два уха, чутко реагируя на вскрики гостей.

... Буквально часа через два после нашего прибытия неожиданно хрипло и громко залаяли на улице собаки. Послышался треск снегохода и в клубах снега и пара в комнату ворвался молодой парень лет 18.

Это был Павел — кадровый охотник фактории. По его озабоченному лицу и испуганным глазам все поняли — что-то случилось.

Немного заикаясь и растягивая слова, он выдохнул, что он в пургу, в устье реки потерял Михалыча — начальника секретной соседней геофизической станции, который просто вывалился на ходу с его нарты. Он обнаружил это спустя некоторое время, уже проехав значительное расстояние. Более часа, пока не закончились запасы бензина, он вёл поиск, а потом, с ухудшением погоды, вернулся за помощью на факторию.

Повисла напряжённая тишина. Каждый представил себе картину происходящего — пургу, в центре которой такой маленький беззащитный человек, борющийся за жизнь с разбушевавшейся стихией и надеющийся только на помощь людей. Без слов мы поднялись из-за стола и стали молча надевать на себя груду так надоевшей, но такой необходимой меховой одежды.

Отцепив нарты, мы налегке на четырёх снегоходах отправились на поиски. Все прекрасно понимали, что в условиях плохой видимости и разыгравшейся пурги шансов найти пропавшего человека почти нет, но все надеялись на везение или какое-то чудо.

Через два часа, израсходовав горючее, мы вернулись обратно, с трудом отыскав факторию.

С чувством вины перед этим пропавшим геофизиком и смутной надеждой, что завтра погода улучшится, легли спать, расстелив на полу спальные.

... Два дня неистовствовала пурга, видимость была нулевая. Мы были бессильны что-либо сделать для спасения человека и вынуждены были ждать улучшения погоды.

... На третий день к вечеру ветер немного ослаб, и мы, ориентируясь по выступающим из-под снега земляным «когам» (возвышениям) охотников, на которых они ставят капканы на песцов, добрались до геофизической станции, стоявшей на берегу моря.

На станции познакомились с её сотрудниками, тремя мужчинами из Москвы и Ленинграда. За столом в кают-компании приступили к обсуждению дальнейших поисков их руководителя.

Выяснили, что Михалыч родом из Ленинграда, 56 лет. Женат, имеет двух взрослых дочерей. Небольшого роста, худощавого телосложения.

Одет был в телогрейку, ватные штаны, валенки, шапку-ушанку, ватные рукавицы. На мой вопрос о его физической форме, волевых качествах и сможет ли он выдержать без пищи и тепла трое суток, последовал ответ: *«не сможет»*...

Наступило гнетущее молчание. Все старались не смотреть в сторону Павла, оглушённого уверенным ответом и сразу как-то поникшего.

Чувство непреходящей вины и отчаяние отражались на его честном, осунувшемся лице. Чтобы как-то сгладить сказанное и разрядить обстановку, я сказал, что нужно надеяться на лучшее, продолжить поиски и обратился к Павлу с предложением, чтобы он на листе бумаги подробно нарисовал маршрут передвижения в тот злополучный день с отметкой всех остановок в пути.

После того как он выполнил задание, я попросил его прокомментировать весь путь. Из его рассказа выяснилось, что как только они выехали со станции, началась пурга, видимость стала ухудшаться. Проехав около 10 километров, они посидели на ледяных торосах в устье реки, покурили и поехали дальше. Немного проехав, Павел остановился и обнаружил, что потерял человека.

Тут вмешался в разговор Алёша Кемлиль, сказав, что в устье реки Чукочья торосов нет, они находятся в 10 км. от берега в море, что мы не там ведём поиски и искать Михалыча нужно на севере на льду Восточно-Сибирского моря.

... Переночевали на станции. Утром, к нашей большой радости, погода стала улучшаться.

Пурга нехотя сдавала свои позиции, и мы с вновь появившейся надеждой засобирались на поиски.

При осмотре снегоходов у Павла обнаружилась неисправность в двигателе и еле-еле, на последнем издыхании, на катках держалась рваная резиновая гусеница.

Было принято решение искать тремя снегоходами, а Павлу потихоньку добираться своим ходом до фактории и ждать нас там. Разделившись, тремя параллельными линиями на расстоянии 500 метров друг от друга мы двинулись по льду моря. Где-то, примерно через час, в восьми километрах от берега, пересекли цепочку следов человека.

Следы были свежие, после пурги. На снегу чётко отпечатались валенки 42 размера. Человек был жив и медленно двигался в южном направлении, в сторону берега.

У всех резко улучшилось настроение, и всё вокруг сразу приобрело какие-то радостные оттенки.

На небе появилось долгожданное красное солнышко, окружённое разноцветными кольцами. Зелёный морской лёд вперемежку со снегом сиял как новогодняя ёлка, переливаясь разноцветными красками. Мягкий снег летел из-под гусениц снегохода и искрился на солнце бенгальскими огнями...

Всех нас охватило какое-то непонятное возбуждение, мозг сверлила одна только мысль: «когда... когда...» И наконец вдали мы заметили маленькую чёрную точку на иссиня-белом снегу.

Приблизившись, мы увидели сгорбленную спину, еле двигающего человека, который на рёв подъехавшего к нему снегохода медленно обернулся и застыл, как изваяние.

... Это был Михалыч, измождённый, весь заросший щетиной, но живой и невредимый, только были немного обморожены нос и щеки. Он

стоял в длинной простёганной, заледеневшей телогрейке, засунув руки в рукава, как в муфту, и лицо его из угрюмого медленно переходило в состояние радостного изумления.

На мой вопрос, что с руками, целы ли они, он вынул руки, оживлённо ими замахал и закричал: «Целы, целы!».

Мы быстро достали термос с горячим сладким чаем со сгущённым молоком и дали попить Михалычу, видя, что силы его на исходе.

Я его спросил, куда он идёт и есть ли у него спички? На что он ответил, что спичек у него не было и нет, но он как старый прожжённый геолог идёт в нужном направлении в сторону фактории. На мои доводы, что он идёт в противоположном направлении, где нет жилья на сотни километров, он мне не поверил.

Я снял с себя меховую кукашку, достал запасные собачьи рукавицы и одел Михалыча.

Моя одежда была столь велика для него, что я напялил её на геофизика сверху, как спальный мешок. Наружу торчала лишь голова.

Посадив Михалыча на нарты с лежащей на них шкурой, мы двинулись напрямую к охотничьей базе. Проехав около 30 километров, в крошечной темноте прибыли на факторию. В окнах её тускло горел свет. На крыше избушки на длинном шесте светила электрическая лампочка — тундровый маяк для припозднившихся путников. Отчётливо было слышно ленивое тарыхтение электродвижка. На крыльце нас ждали Иннокентий Петрович и Паша.

Сойдя со снегохода, разминая затёкшие ноги, я подошёл к саням и поднял неподвижного Михалыча на руки и понёс в избу. Самостоятельно идти он не мог. От долгой езды тело его затекло, и он сильно замёрз.

Посадив его на стул, я скинул с него одежду и только тогда он слабо зашевелился и стал подавать признаки жизни. И тут сзади раздался пронзительный крик: «Жи-вой!».

К нам подскочил Павел и стал судорожно обнимать Михалыча, иступлено и радостно повторяя: «живой! живой!». По его впалым щекам текли слезы, и всё его худенькое мальчишечье тельце сотрясала крупная дрожь.

Сказались напряжённые дни поисков, его совесть и отчаяние. Кроме того, он не спал уже несколько суток.

Немного погодя, немного успокоившись, Павел с волнением поведал нам о своих переживаниях.

Когда мы подъехали с неподвижно сидящим на нарте человеком, он просто остолбенел, так как был уверен, что мы нашли и привезли замёрзшее тело. Как он говорил: «жить просто не хотелось». Он вместе со всеми машинально прошёл в избу и вдруг увидел, как «мертвец» зашевелился и поднял голову. Изумление и страх одновременно охватили его, мурашки побежали по коже. Стало трудно дышать, разум отказывался верить в происходящее чудо, а потом его с головой захлестнула волна сумасшедшей радости...

Михалыч понемногу отходил от холода и перенесённого потрясения. Его уложили в кровать, растёрли тело неразведённым спиртом. Дали немного вовнутрь, укутали двумя тёплыми одеялами, раскочегарили печь и дали кружку тёплой ухи.

Петрович добровольно взвалил на себя нелёгкие функции няньки.

Он каждые три часа кормил понемногу жидкой пищей голодного Михалыча, который всё время просил дать ему чёрный хлеб с солью, но ему твёрдой пищи не давали, боясь осложнений.

Мы же в это время впервые спокойно легли спать и сразу уснули глубоким здоровым сном, согревшись в тёплых мешках.

Утром в 7 часов мы были уже на ногах. Ответственность за порученное дело в поисках отколовшихся оленей не давали расслабиться.

Михалыч тоже проснулся и сел с нами завтракать. Это был уже другой человек. Мы с удовольствием слушали неторопливую интеллигентную речь коренного ленинградца о его странствиях, как геолога, по Камчатке и Якутии. Смеялись, когда он с юмором рассказывал, как однажды зимой рыбачил на Ладожском озере и вдруг льдина откололась, и он сутки дрейфовал на ней, пока льдину не прибило к берегу.

Вот тогда он впервые натерпелся страху. Потом он осторожно перешёл к последнему эпизоду своего блуждания по льду моря во время, как ему казалось, бесконечной пурги.

Вот его рассказ: «Здесь, на геофизической станции, я уже бессменно нахожусь два года. Оторванность от Большой земли, постоянно одни и те же лица — всё это в конечном случае утомляет и хочется общения с новыми людьми. А тут подъехал Паша, который иногда к нам заезжает. В разговоре я сказал ему, что у меня разболелся зуб, а таблетки от зубной боли на станции закончились. Он предложил мне поехать с ним на фабрику, где есть медицинская аптечка и баня.

Я знал, что надвигается пурга и сказал об этом Павлу, на что он ответил, что «успеем проскочить.»

Когда выехали, уже дула позёмка, и видимость стала ухудшаться на глазах. Я сидел на широких санях на куске брезента и крепко держался за края, чтобы не вылететь.

Нарты ежесекундно трясло на застругах, руки от холода немели. Ветер и снег били в лицо. Это была не езда, а сплошное мученье. Через какое-то время снегоход остановился, и Паша подошёл ко мне. Пурга набирала силу, вокруг уже ничего не было видно. Закурили, посидели на куске льдины, я сказал Паше, что сильно замёрз и спросил какое расстояние до фактории.

Павел сказал, что осталось где-то около десяти километров. Я решил сесть на нартах спиной по направлению движения и укрылся от ветра брезентом. Только немного отъехали, как вдруг сани наехали на скопление льдин, подскочили, накренились, и я кубарем слетел с них.

Это было, как одно мгновение, и когда я вскочил на ноги, то услышал лишь удаляющийся рёв «Бурана».

Я пошёл по следу снегохода, который быстро заметало летящими клубами снега. Несколько раз слышал звуки «Бурана» и зовущие крики Паши, но, когда я приближался, снегоход срывался с места и удалялся.

А потом наступила беспросветная мгла...

Пурга разыгралась не на шутку, не давая никаких шансов сориентироваться и найти какое-либо укрытие и мне ничего не оставалось, как идти по ветру, чтобы сохранить тепло и не замёрзнуть.

Я отчётливо понимал, что моя жизнь целиком зависит от моей силы воли и постоянного движения. Страх не было, я знал, что меня уже ищут и в беде не бросят.

Я хорошо знал сибиряков, их несгибаемый и отзывчивый характер, человеколюбие. Эти качества помогают им выжить в заполярных экстремальных условиях

... Часов у меня не было и вскоре я потерял чувство времени. Вокруг была только белая пелена, заунывный свист ветра и моё тяжёлое прерывистое дыхание...

Перед глазами, как в кино, мелькали страницы моей прежней жизни; вот я маленький за руку с мамой впервые иду в школу, а вот я уже студент Ленинградского горного института. Свадьба, марш Мендельсона и счастливые глаза любимой... Рождение наших очаровательных дочерей...

Часто в мыслях я бродил по улицам и площадям моего любимого, самого лучшего в мире города...

Невский проспект, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор, Эрмитаж, Летний сад... но мысли, совершив свой кругооборот, опять

возвращались к семье, вся жизнь которой прошла в томительных ожиданиях и постоянном беспокойстве за меня. Как они смогут жить без меня, если что...

Вспомнил последнее расставание со своей женой в аэропорту «Пулково». Дети, как всегда, были на работе. Рано поседевшая жена, украдкой смахнув слезинку, тихо сказала мне, что она очень устала от расставаний и одиночества и мечтает и молит Бога, чтобы мы наконец-то были вместе.

После этих слов у меня ком подступил к горлу, и я пообещал ей, что эта будет моя последняя командировка...

Когда я уставал и уже не мог идти, то закрыв лицо рукавицами просто падал вперёд в сугроб и меня тут же заметало снегом. Становилось тепло, и я забывался в тревожном сне.

Несколько раз я видел один и тот же кошмарный сон, что я лежу в свежеструганном гробу, вроде мёртвый, но почему-то отчётливо вижу плачущих родных. Гроб, почему-то без крышки, опускают в вырытую могилу и начинают засыпать землёй.

По моему лицу больно бьют мёрзлые комья земли, давят грудь и не дают дышать. Я отчаянно кричу, но никто меня не слышит. А комки всё летят и летят...

Я просыпался от удушья и нехватки воздуха. Еле-еле, с трудом, пробивая руками плотный слежавшийся снег, выбирался из своей снежной могилы и с жадностью вздыхал разреженный, обжигающий лёгкие холодный воздух, радуясь, что ещё жив.

Но эта радость вмиг исчезала, уступая место пронизывающему до костей холоду, который как иголки вгонял в моё измученное тело свои ледяные шипы. Мокрая одежда на ветру сразу покрывалась ледяным слоем и стояла комом, мешая двигаться.

Инстинкт самосохранения заставлял меня бежать мелкими шажками, чтобы согреться, что я и делал неоднократно. Несколько раз мне попадали на пути ледяные гряды. Среди них я находил сносное укрытие от ветра и лёжа отдыхал.

... Однажды в полудрёме я заметил какое-то странное шевеление. Открыв глаза, увидел между льдинами любопытные мордочки двух белых песцов, жёлтые бусинки глаз которых настороженно смотрели на меня.

Они лежали в метре от меня, периодически втягивая носом воздух, принюхивались. Я не шевелился, чтобы не спугнуть эти живые существа, принимая их за подарок судьбы, скрашивающее моё затянувшееся одиночество.

Один песец, сладко зевнув, лёг на снег, свернулся в клубок, закрыв своим пушистым хвостом чёрный треугольник носика. Оставались открытыми только глаза, внимательно следившие за мной. Немного погодя его «товарищ» мелкими шажками придвинулся к нему и сделал то же самое.

... Сколько времени это продолжалось я не знаю. Опять ненавистный холод дал о себе знать; чувствуя, что совсем замерзаю, я шевельнул рукой. Этого было достаточно, чтобы остроносые зверьки молниеносно исчезли в снежной мгле.

... И снова бег, и вновь скрежет отдающихся в ушах шагов и этот бесконечный снег, снег, снег...

В следующий раз буквально рядом со мной прошли два северных оленя. Они возникли внезапно из белой мглы как привидения. Спины их были припорошены снегом. Мгновение — и они растворились в снежной, неистово пляшущей круговерти.

Мой внутренний голос тут же ехидно прокомментировал:

«Эй, герой! Ты видишь даже олени ходят парами, чтобы выжить в таких условиях. Как бы не пришлось отдать концы в глухом одиночестве!»

Эту мысль я постарался тут же отогнать от себя подальше.

... Я упорно шёл, падал и снова шёл. Время перестало существовать для меня. Мысли в голове путались, набегая одна на другую. Иногда хотелось просто лечь, закрыть глаза и больше не вставать, но тут же передо мной появлялось до боли родное лицо жены, большие глаза которой с тихой грустью и нежностью смотрели на меня.

Видимо, мой ангел-хранитель чувствовал, как мне тяжело и старался хоть как-то облегчить мои страдания.

И я снова вставал и шёл в неизвестность...

Не знаю почему в этот период я выбросил мокрые рукавицы, которые уже не согревали мои замёрзшие руки.

Несколько раз я слышал тарахтение «Бурана» и голоса людей. С надеждой я бежал на эти звуки, которые почему-то мгновенно исчезали.

Без сил я садился на снег, и горькое отчаяние овладевало мной. Очень хотелось пить. Я жадно хватал руками комки снега, заталкивал их в рот и жевал до тех пор, пока мышцы рта не сводило судорогой.

Голод давно не терзал меня...

Обмороженные, покрытые чёрной коркой губы уже не болели.

Зубная боль, до этого мучившая меня больше недели, в первый же день скитания бесследно исчезла. Видимо организм сконцентрировал остатки моих сил только для выживания.

... Прошла, как мне казалось, целая вечность. И вдруг, в какое-то мгновение я стал понимать, что вокруг что-то происходит...

Белая пелена перед глазами отходила все дальше и дальше. Враждебный ветер, постоянно сбивающий меня с ног, ослаб, а потом совсем зачих. До моего истерзанного сознания медленно доходила долгожданная мысль о том, что пурга наконец- то закончилась, и в душе появилась робкая надежда остаться в живых...

Как в замедленной съёмке стали чётко вырисовываться высокие морские ледяные торосы. Я понял, что нахожусь в море и мне нужно двигаться в противоположном направлении, к спасительному берегу, где, я верил, меня обязательно найдут.

Эта вера придала мне силы, и я двинулся на юг, к далёкой, еле видимой тёмной береговой полоске.

Шёл, как говорят, «на автопилоте». Глаза видели только медленно увеличивающуюся тёмную линию желанного берега.

Звук вашего снегохода проникал в моё сознание постепенно, мозг отказывался верить в эту реальность и, когда он взревел уже совсем рядом. Я с невероятным усилием заставил себя повернуть голову в его сторону... Дальше вы уже знаете сами...

Спасибо Вам за все! Сейчас мне нужно быстрее попасть на свою станцию, всех успокоить и в путь — к себе домой, к семье, в мой любимый Ленинград.

Для меня уже прозвенел контрольный звонок и наступил конец моей последней командировки».

Он тепло и сердечно распрощался со всеми. Кочкин и Паша на двух снегоходах увезли его на геофизическую станцию.

Через месяц на фабрику неожиданно поступила радиограмма из Ленинграда следующего содержания: **«Поздравляю с Новым годом и Рождеством. Низкий Вам поклон. Михалыч.»**

Так была перевернута ещё одна страница в судьбе этого интересного и мужественного человека, не сломленного стихией.

... А наше путешествие продолжалось. Ещё в течение трёх дней мы искали пропавших оленей, но тщетно. Обнаружили лишь два стада диких оленей, вперемешку с домашними, которые уже сами стали дикарями. Отделить их практически было уже невозможно. Доложили об этом руководству совхоза и получили команду возвращаться в посёлок.

Обратный путь прошёл без происшествий.

Всю дорогу нас согревало сознание, что мы не зря проделали такой длинный путь.

Сделали богоугодное дело — спасли человека, а это — главное в этой жизни!

Н. Габышев

12 сентября 2010 г.

Санкт-Петербург